

Мана Р. о. 33 к.

Цена 2 р. 75 к.

С Р₂
С Ф 333

Вас. Федоров

*Литургическая
трилогия*

§

НОВОСИБИГ 3
1947

Бр. 891.7-1
Ф-383

Вас. ФЕДОРОВ

ЛИРИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ

NGONB.RU

26684063017091

Б-109А
382494

В

ОГИЗ
Новосибирское областное
государственное издательство
1947

Бр. 891.7-1
Ф-383 Федоров

Лирика. трилогия
1947
1-30
В.И. Васильев

— 70 —

...движение меньшинства
должно приобрести особенно крупное
значение, помнить, что лояльно болящая
«боросонство» заблуждается, что в
нужно сказать о рабочих, шедших за
«левым крылом» (Персел и Кр). Беспощад
желе и отнюдь не должна сопровождать
рядов «меньшинства». Наоборот, участики
пинства», а равно и коммунисты долж
чем когда-либо, проситься в массы, на
стачки вербуй все новые и новые кадры,
Движение меньшинства, которое во ве
толки к всеобщей стачке, во время ее и по
шло пика об пук; с компартий Велюко
ло себя действительно революционной сил
тельной тактикой движение меньшинств

Отв. редактор *А. И. Смердов*
Техн. редактор *В. В. Курочкин*.
Обложка, заставки и концовки
худ. *Кондрашкина*.

Подписано к печати 17 февр. 1947 г.
МНО5738.

Объем: 2,75 п. л., 2,75 уч.-изд. л.
Тираж 10000.

Тип. «Советская Сибирь»,
г. Новосибирск.

ВСТУПЛЕНИЕ

*Где началось, в какие сроки
Завязывался узел тем?
Когда и как твердели стрэки
Моих лирических поэм?*

*Была зима. На город падал
Тяжелый снег, а время шло...
Был день, когда из Ленинграда
Пришел последний эшелон.*

*И сердце, как оно забилося,
Когда среди густой толпы
Мне бледное лицо явилось
Моей кочующей судьбы.*

*И грудь, о как она вздохнула—
Необычайное сбылось!
В ней что-то двинулось, толкнуло
До крика—так и началось.*

О ней

1

Не вынес я тоски недель...
По улице, опять преградой,
Метет, метет, метет метель,
А мне тебя увидеть надо...

В сугробы снега и лога
Косматой буре на рога
Бегу — навстречу вихрей стадо...
Заполонило белый путь,
Ударило... Что будет — будь,

Но мне тебя увидеть надо.

Вот и высокое крыльцо...
Увидеть, не прося пощады,
Глаза твои, твое лицо
Во что бы то ни стало надо.

4

А на висках две жилки бьются,
Две жилки бьются...
Любовь кричит: как поступить?
Переступить или вернуться?..
Переступить или вернуться?..
И решено — переступить!

2

Мне этот зал сегодня незнаком.
И, словно зная о моей обиде,
Ты прошумела легким ветерком,
Чтоб я тебя среди других увидел,
Цвет губ твоих, что необычно ал,
Сиянье глаз, где ночь и утро рядом...
Как я тебя ревниво сочинял
По первым вздохам, по коротким

взглядам.

Где ты была? Откуда ты взялась?
А сам стою, не смея оглянуться.
Ты от моей души оторвалась,
Чтоб все пройти и вновь ко мне вернуться.

3

О, музыка — слепой подкол
К душе взволнованной.

Не надо.

Итти куда-то далеко,
Чтоб оказаться с Нею рядом.

5

Но вот уже и свет потух...
В груди стремительное presto!
Мой взгляд, упавший в темноту,
Разбился о пустое место.

4

Все ждут чего-то.

Все молчат,

Тая подобие улыбки.
Вот на колени скрипачам
Уселись розовые скрипки,
Совсем как дети.

Зал притих.

Напев смычка ударом начат.
Кричу: «Зачем вы бьете их...
Не бейте их — они заплачут...»

Я перед тем закрыл глаза,
Когда откинувшись крылато,
Маэстро резко приказал
Наказывать невиноватых.

И вдруг из глубины наверх,
Его велению послушен,
Летит необъяснимый смех,
Летит с эстрады прямо в душу.

То листьев шум,

То резкий треск.

В надломе веток —

брызги соков...

То лебедей ленивый плеск
В зеленых зарослях осоки...

То ног босых звучат шаги
Над мягкой прибрежной глиной..
То эбкие круги, круги
Под резкий всполох лебединый.

В прохладе полутемноты,
Ревнивым пленником на стуле
Тебя все жду я, где же ты?
Тебя-то мне и не вернули...

5

Но резко разрывая сон,
Казалось мне, в порыве страстном
Она смотрела на балкон,
Она стояла в яркокрасном.

И сразу чем-то полевым,
Забытым на сердце пахнуло..
С плеча ее, как легкий дым,
Сползала шаль на спинку стула.

Большие, темные глаза
С каким-то трепетным мерцаньем
Уже осматривали зал,
Наполненный рукоплесканьем.

Вот локоп темный отвела
С лица в бледнеющем отливе,
Откинулась и поплыла
То медленней, то торопливей.

.

Она проходит. Я стою
И чувствую, что стало душно...
Взглянула в сторону мою
И отвернулась равнодушно.

Но даже залитый стыдом,
Я все чего-то жду *впрямую*...
Взглянула только... А потом
Прошла и —
 кончена программа.

6

Как пламя яркого огня,
Не потухающего вечно,
Ты мне нужна не для меня,
Нужна ты истине сердечной.

Когда-то у родных полей
Я тайну о тебе подслушал.
И вот узнал в душе твоей
Свою затерянную душу,

Я в поисках провел года
Нашел,
 и вот боюсь споткнуться.
О, неужели никогда
Ты не позволишь ей вернуться.

И даже юность сохраняю,
Я не найду любви беспечной.
Ведь ты нужна не для меня —
Ты истине нужна сердечной.

7

Волнуют смутные догадки
Уже попавшие в раздор.
Мне каждый признак ленинградки
Роднее с некоторых пор.

Роднее все ее приметы...
И с легкой воровобоей фук
Опять в косых лучах паркета
Скользит, скользит моя планета.
Ее орбита — вальса круг.

Она не ведает в круженье,
Волнуемая «чем-нибудь».
Что в поступательном движеньи
Мы обрели бы верный путь.

Я больше ничего не прячу,
Богатство — вот оно — беру!
Своей поэзии незрячей
Я брал тебя в поводыри.

Но незаслуженной обиде
Теперь надолго в сердце тлеть
Я так хотел тебя увидеть,
Что смог и без тебя прозреть.

И потому тоска сильнее...
Кто знает, может, до седин
Мне будет без тебя труднее,
Пойми...

Но я пойду один.
Пойду я...
Ты меня сразила,
Сразила, а сама в слезах...
Такой навеки отразилась
Ты, чистая, в моих глазах.

Когда-нибудь ты встанешь близко,
Уже спокойна и тиха,
Как равнодушная приписка
К моим взволнованным стихам.

Новосибирск—1943-1944

На глубине

*...Прости за то, что я не мог
Писать по линиям, что прямы,
Ты видишь начертанья строк
Неровных и кривых, как шрамы.*

*Не отвергая, все прочти.
Душа окрепла, стала гибкой,
Она сумела прорасти
Сквозь горе радостной улыбкой.*

1

На город мой опять парадом,
Под злое карканье ворон,
Плывет небесная армада,
Плывет угрюмая, и он
Насторожился.

Где спасенье.

Когда, сводящие с ума,
За потрясеньем потрясенье
Она бросает на дома?

То молний красные зигзаги
Пронзают край надземных круч,
То, словно траурные флаги,
Свисают клочья черных туч.

Они стремительным снижением
Скрывают солнечный прогал,
Подобно мрачному вторжению
Неумолимого врага,
Как бы нависшего над целью,
Над юностью. Пощады нет.
Повсюду ночь.

Но в подземелье
Спасительный зажегся свет.

2

Передо мной подземный ход,
Ступени вниз — входить бы надо...
Стою у заводских ворот
Под натиском дождя и града.

Казалось, каждый миг грозил.
По телу побежали токи
Глубоких, потаенных сил. —
Но я стою, читая строки:

«Кому отчизна дорога,
Переступи порог и следуй
Туда, где твердая рука
Готовит гибель для врага,—
Здесь начинается победа!»

В сиянье электроогня,
Сутуля старческие плечи,
Встречает у ворот меня
Начальник цеха:

— Добрый вечер!..

3

Со ступеней на мрамор плит
Струился отблеск розоватый,
И я спросил: «Там что гудит?»
А он сурово: «Век двадцатый».

Казалось, рокот стал грубей...
У потолка, влетевший шустро,
Ошеломленный воробей
Цеплялся лапками за люстру,
Затрепыхался и повис...
Лети за мною, птица-вестница!

Я сделал шаг, и мы поплыли вниз
На темноватом гребне узкой лестницы.

Припоминалась тишина метро,
Блеск мрамора, не омраченный тенями,
А здесь,

за мной,

под музыку ветров

Война сползала теми же ступенями.

Уже внизу, где я стоял,
На плиты грянул свет картечью.
«Что впереди?» — Судьба твоя!
Так надо же идти навстречу!..

4

И я пошел.

Какой простор

Скрывали узкие ворота!
Передо мной ревел мотор
Невиданного самолета,
Так яростно, что я едва
Мог разобрать машин погудки...
Она шла мимо.

— Кто?

— Вдова...

— Давно?

— Пошли вторые сутки.

Вспоминаньем угнетен,
Стою, а горло горе душит.
Смотрю на золотистый лед
Каких-то робких завитушек.

«Как я давно не видел вас...»
«Давно ли? Не прошло и года...»
Голубизну печальных глаз
Сковали темные обводы.

«Вот мы и встретились с тобой,
Ты — все такой, а я погасла...»
И задрожала над губой
Веснушка смазочного масла.

Она передо мной стоит,
Устав от непосильной ноши...
«И вспомнить больно — он убит.
Убит.. Ведь он такой хороший!

Скажи, чем жизнь оборонить?
Каким трудом, каким гореньем,
Чтоб навсегда похоронить
Погибельное повторенье?..»

И тихо, но еще больней:
«Я счастью верить разучилась.»
«Нам, Вера, надо быть сильней.
Чтобы такое не случилось, —
Ведь сильного не станут бить,
А слабость — всюду травки ниже...»

Вдруг воробей вспорхнул.

Я вижу

В его коротком клюве — нить.

5

«Такое горе не пройдет —
Она навек затосковала...
Ты понял, что ее гнетет?
Ты слышал, что она сказала?
Мой спутник принялся ворчать:
— Подумай, да ответ неси ей.
А ведь на это отвечать,
Пожалуй, нужно всей Россией,
Да так, чтобы ответ был крут,
Упруг и прочен, как пружина.
Я, лично, верю только в труд,
Труд творческий.

Нужна машина!
Ты самолету отдаешь
Все, для того, чтобы взлетел он.
И потому он так хорош.
А знаешь, из чего он сделан?»

Блестя, от нас недалеко,
Стоял он в солнечном металле...
«Все, кажется, из пустяков,
Из хрупких, крохотных деталей.

Но мысль конструктора прошла,
Все оглядев и все потрогав,
И каждая деталь нашла
Свою великую дорогу.

Так в каждом, кто себя найдет,
Кто посмотреть вперед решится,
Все неживое — отпадет,
Все лишнее — отпелушится».

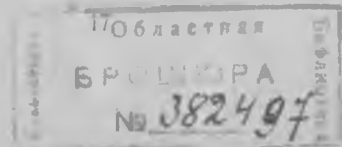
Шурша разводами колес,
Ведущим новой эскадрильи
Наш «Як» торжественно пронес
Свои размашистые крылья,

Где надпись просто, без прикрас,
Мне говорила лучше оды,
Что этот «фронтовой заказ»
Получен был от пчеловодов.

А рядом, к золотым словам
Приглядываясь оком дрешним,
Шагал неторопливо сам
Военный атташе деревни.

«Спасибо, детки, за труды!
Спасибо, не видал такое...»
И луч могучей бороды
Свивал дрожавшею рукою,

«Машина эта — в самый раз.
Таких бы нам теперь поболее...»
Из-под бровей не видно глаз,
Но ясно, что старик доволен.

«Когда б еще была пчела
Здесь нарисована.. Смекнули?!
Чтоб, значит, знала немчура
Про необыкновенный улей!

Начнут враги атаковать,
А нашу марку тут и видно!..»
— Дед, кровное-то отдавать,
Поди, ведь как-никак, обидно?

Взглянул из-под седых бровей
И чуть ворчливо: «За два года
Я, дитяtko, трех сыночек
И десять внуков миру отдал

Я сед, как древо у комля,
Я стар, а сердце-то — не камень..
Родное сею, чтоб земля
Входила новыми ростками».

7

От купола за белый крут
Перепорхнул и закружился
Мой маленький крылатый друг..
«Смотри, да он, никак, прижился
И вьет гнездо?

Ну, в пору, вей!»
Над радугой спиральных колец

18

Ловчился серый воробей —
Мой превеликий чудотворец.

«Чего-чего,— кричит,— я мал!
Чего-чего!..»

Взмахнул крылами,
Перевернулся и поймал
Он стружку яркую, как пламя.
Рванулся фейерчерком.

Сон

Не каждому такой приснится —
Под куполом казался он
Какой-то сказочной жар-птицей.

Кружился, словно выводил:
«С людьми-то мне и тут не страшно»
А мой наставник все твердил,
Что ни на есть о самом важном:

«Перед тобою цех. Ты в нем
Испытан будешь — не легко там —
На твердость долгую — огнем,
На прочность — временем и потом
На верность — мукою».

И вот

Он двери предо мной раздвинул.
Тихонько подтолкнул вперед
И ждало меня покинул.

19

Дыханием горячей страсти
 В чешуйках белых кирпичей
 Открылись огненные пасти
 Проголодавшихся печей.

И, губы языками тронув,
 Привздогнули они в огне
 Подобно сказочным драконам,
 В какой-то сказочной стране.

Глотают жадно — мало, мало!..
 Устало дышат: дай еще
 Кусок холодного металла —
 Вчерашнее уже не в счет.

И, напрягаясь до предела,
 Даю, чтоб сытою была.
 Бери еще, но делай дело!
 И печь послушная брала.

Брала, но все казался малым
 Еще холодный, жесткий ком,
 И пламя снова набегало
 Чуть розоватым молоком.

Уже дымятся рукавицы,
 На пальцах — иглы теплоты..
 И, словно в сон, приходит рыцарь,
 Приходит он из темноты.

Чудесный щит подняв рукою,
 Нацелился, чтобы попасть,
 И беспощадной остроугою
 Ударил в бешеную пасть.

Движения резки и грубы.
 Казалось, презирая зной,
 Он вырывал драконам зубы,
 Сверкающие белизной.

Металл кидало в белый холод,
 Металл бросало в яркий жар,
 Под черный многотонный молот.
 Под сокрушительный удар...

В глазах рябит.
 Который час?
 Не вижу... А напарник рядом:
 «Мне это — что! Вот, помню, раз
 Над Волгою, под Сталинградом...»

Я с болью на него смотрю,
 И он послешно подождил:
 «Вот я о том и говорю,
 Что это все-таки похоже...»

Взмах рука в обнаженных изгибах —
И, покорная силе броска,
Заскользила граненая глыба,
Но коснувшись стального куска,

Жар его беспокойно потрогав,
Груз на маленькой грани повис,
Вдруг неожиданно, решительно-строго,
Беспощадно обрушился вниз.

Затвердил: ты такая, такая!..
И спасу и пять раз погублю.
Не за твердость тебя упречаю —
Я за твердость тебя и люблю..

То сердилась она, то смирялась,
То обидой бросала в лицо.
Ей прекрасная доля досталась —
Золотым обернуться кольцом.

И гуляли кругом лихорадки,
Все двенадцать сестер, будто встарь,
И трясли в заведенном порядке
Добела накаленную сталь.

Часы ядут, часы бегут,
Часы летят... Рубаха преет.
Твердит боек: ты тут, ты тут,
Спешу, спешу... там ждут, там ждут...
— Товарищ, подавай быстрее!

Папарник поглядел в глаза мой,
Заметил, словно невзначай:
«Ты, брат, сегодня на экзамене,
Смотри, того... не подкачай!..»

А сам стоит и улыбается,
Мне странную ладонь дает..
«Тебе пятерка полагается,
А у меня недостает..»

Проклятый враг входил в азарт
И полз такой, что страшно даже,
Ну, бронтозавр и бронтозавр!
Эх, думаю, а где же наши?

Душа, как порох на огне,
Как порох!.. — повторил он пылко.
— Громадина ползет ко мне,
А у меня в руке — бутылка
С бензином... Вспоминаю, зло
Взяло такое, что забылся..

Признаться — просто повезло...
Танк вспыхнул и остановился...
Лицо вдруг побледнело. Вижу,
Как бьется жилка на виске...
— Вся жизнь была на волоске.
Не помню как, но взял и выжил.

12

Здесь маховое колесо
Запутало и дни и числа.
Бессилье стальных часов
На стрелке тоненькой повисло.

Все кажется, что упадет
На нас безвременье, развязано...
И только сердце счет ведет
Отчетливо и безотказно.

Оно ведь знает, что для нас
Любая ночь зачтется за год...
Уже из утомленных глаз
Метнулись белые зигзаги.

И тело сотрясает ток
Еще холодный и тревожный.
Взволнованно гудит гудок —
Теперь остановиться можно.

24

Но тело потрясает ток
Горячий, все еще тревожный!
«Стой, сердце!» Сердцу на гудок
Остановиться невозможно.

13

Направо дверь, а я прирос —
Стою на месте. Крутно мелом
На полотне кричит вопрос:
«Отчитывайся, что ты сделал?»

И кто-то углем, впереди,
Коряво вывел назиданье:
«Ты прочитал — теперь иди,
И приходи без опозданья».

14

Я дни и ночи пробыв тут,
Иду назад. Когда б вы видели,
Сказали бы, что так идут
Из первой битвы победители

В сознание, что кого-то спас,
Кого-то вынес из сражения...
Такое к нам приходит раз,
Единственный, без повторения.

25

Но почему темнеет день?
Хотел кричать я тьме: Не пачкай!
По стенам ломаная тень
Прошла в невероятной качке,
Да так, что камень задрожал,
И я упал на камни прямо!..

Мне снилось, будто я лежал
Отброшенный куда-то в яму...

В глаза ударил яркий свет
Я на стене за ливнем света
Увидел верни силуэт —
Он весь в порыве рук вздетых.

И тень красивой голозы
Не с Ярославной ли роднится?
«О, почему не крылья вы,
Не крылья вы, а я не птица!
Лететь к нему бы... Где он там?
Я путь его нашла бы правый
По солнцу, по его следам,
По молодым прямым травам...

О, трижды ненавистный враг,
Погибни подло и бесславно!..»
Вы знаете — должно быть так
Молила ветер Ярославна...

Взволнованно гудит завод.
Меня как бы волной толкнуло
Я выхожу под яркий сюд,
Наполненный высоким гулом.

Он катится издалека
И остается здесь, где просто
Два невысоких верстака
Стоят торжественным помостом

С него к приподнятой волне
Людских голов, лаская взглядом,
Склонился неизвестный мне,
В шинели воина.

А рядом

К нему все время задирал
Свое лицо рябой парнишка.
«Конечно, это генерал!
А, может, даже сам Покрышкин!
А, может...

я тебе не вру.
Что генерал он, будь я фрицем! »
А сам косился на «РУ»
Своей промасленной петлицы

«В награду за величье дел.
За то, что в битвах были с нами,
Мне Сталин передать велел
Вам это боевое знамя...»

Цвет знамени был ясно ал.
Одна из лучших шла к награде,
И я с волнением узнал
Полуколючко светлой пряди.

В глазах ее — тоска ночей,
И труд по суткам, без присеста...
Для заготовленных речей
Уже не доставало места.

Взяла, ни слова не сказав,
Растерянно вперед шагнула,
Закрыла знаменем глаза
И слезы крупные смахнула.
Над головою подняла...

Что говорить ей? — все сказалось...
Как будто детство обняла,
Как будто к юности прижалась.

Тогда, как можно громче, мне
Сказал подросток, взрослых строже:
«Теперь уверен я вполне,
Что женщина без слез не может».

Туда, где вагудел мотор,
Направлен путеводный вектор.
Мы миновали коридор,
Проходим дальше, где прожектор
Огромным пауком повис,
Тритянутый за лапы блоком,
Без устали смотрящий вниз
Единственным молочным оком,
Прозрачно-белым, неживым...
Когда мы оказались рядом,
Он мерял глубь сторожевым,
Все время неподвижным взглядом

Скажи, не ветер ли качнул
Лучей протянутые нити?
«Там самолеты. Их начнут
Сейчас выкатывать.
Глядите!»

И вот с туманом вперехлест,
Урча и поводя плечами,
Входил на нерушимый мост,
Вплотную устланный лучами
Наш «Як».

Он выводок родни
Вел за собой — все «Яки», «Яки»..
И вскоре шли как бы одни
Опознавательные знаки.

Прожектор двинул белым оком,
 Лучами темень прободав.
 Я весь пронизан страстным тожком,
 Бегущим не по проводам...

Где золотистая пылинка
 Летит в луче — не удержать,
 Где каждая моя кровинка
 Спешит до сердца добежать

Где отстоялась воля предков,
 Готовая себя явить,
 Где каждая живая клетка
 Спешит о жизни заявить.

Я вижу все, что окружает.
 Я даже вижу, как в беде
 Сама победа отражает
 Свое лицо в моем труде.

Я также вижу, что покоя
 Мой труд еще не отразил,
 Но я увидел в нем такое,
 Что выше всяких темных сил

И потому в бою жестоком,
 Пощады недругу не дам.
 Я весь пронизан страстным тожком,
 Бегущим не по проводам

Я вновь сегодня не засну —
 В ночную темень свет врывается.
 Несу за пазухой весну,
 Весна поет и вырывается.

Трепещет вся и жжет до слез,
 А я смотрю на город немо —
 Он гордо в небеса вознес
 Своих упрямых башен шлемы.

Взлетающие к вышине
 Темнеют плеч крутые скаты.
 Здесь каждый дом одет в шинель,
 Здесь каждый дом стоит солдатом.

Над ними, темень полоснув,
 Далеким свет переливается..
 Несу за пазухой весну —
 Весна поет и вырывается!

1944—1945 г.

Вспоминание

*„Любимая, когда и где мы
Найдем пристанище с тобой?“
Так появилась третья тема,
Заполнившая все собой.*

*Сначала — непонятным колом
Давила на сердце, потом
Я занялся проектом дома —
Любому счастью нужен дом.*

1

Котенок, словно ниткой пряжи,
Играет тоненьким лучом.
Игра его — одна и та же,
Ему и горе нипочем.

Смотрю я на его наскоки,
Смотрю и думаю о том,
Как спроектировать высокий,
Необычайно светлый дом.

Пришли назначенные сроки,
Пришли и стало невтерлеж.
Стоит в моем углу упреком
Мой забракованный чертеж.

Экзамен был и, помню, некто
В неудовольствии большом
Мои красивые проекты
Перечеркнул карандашом.

Никто не проявлял участия,
Никто!
Все чертежи в тот миг
Я мог бы разорвать на части,
Боясь вещественных улик.

Но я остался с ними — весок
Был свиток всех моих обид.
Он, словно дерева отрезок,
Что белой берестой обвит,
Стоит с рассеченным сердечком,
Где каждый уходивший год
Все возрастающим колечком
Спокойно метил свой уход.

Полюбопытствую, как слиты
Те кольца, — вот перед лицом
Держу я этот пыльный свиток,
Кольцо считаю за кольцом.

Уже за двадцать... дальше смяты —
Бумага плохо завилась,
И, наконец, на двадцать пятом
Она совсем оборвалась.
Как незапамятную давность,
Развертываю на листе
Отображенную туманность
Упрямых творческих страстей.

Остановился на изломе,
И думаю: пора решить,
Что будет, если в этом доме
Она не согласится жить?

Так для кого ж, себя спросил я,
Так для кого же строю я?
Он и высокий и красивый,
Но по всему — не для жилья.

Как по заснеженной долине,
На белом ватмане, вразброс,
Метался вихрь забытых линий...
Трескучий северный мороз
Коробил широту проекта.
Я наклонился над листом,
Где некогда суровый некто
Перечеркнул тот вихрь крестом.

Где украшением портала
Колонна, не страшась высот,
Гиперболически взлетала
Под сказочно-хрустальный свод:

Но все, чем был он изукрашен,
Мне говорило об одном,
Что для такой любви, как наша,
Я должен строить новый дом.

То, что отцу всего дорожке,
Передается сыновьям...
Хочу воздвигнуть непохожий
На тот, в котором вырос я.

Но прежде, чем коснуться камня
Искрометательным резцом,
Любимая душа нужна мне,
Что станет чистым образцом,
Который новый мир покажет,
Открыв его своим ключом...

А вдруг она на это скажет:
«Ну, что же, строй, а я причём?»

2

О, музыка, где в каждой гамме
То вознесенье, то обвал...
Крадусь неслышными шагами
По лестнице, где я бывал.
Она, поблескивая тускло
В легко колеблемых лучах,
Легла, как высохшее русло
Большого горного ручья,

Где воды вечность испарила
И только камни сберегла...
Я опираюсь на перила
Руками, как на берега.

3

Свободней легкого эфира
Все скрипки, да, все до одной,
Звучат налюминаньем мира,
Давно порвавшего со мной.

О, как понятна и близка мне
Их тема мудрая о том,
Как выстроить, слагая камни
Необычайно светлый дом.

Легко настроенные бродят
По неустроенной душе,
Как будто линию проводят
На непонятном чертеже...

«Все видим, ничего не скроешь.
Надолго потеряв покой,
Ты почему-то башни строишь,
Скажи нам, для какой-такой?
Скажи, а мы ее проверим...»

Постойте, сам вас проведу —
Любимая сидит в партуре,
Вы слышите, в седьмом ряду!..

Ушли, не закрывая двери,
Ушли, огней не потушив,
Чтоб линии мои проверить
По линиям ее души.

Невероятно резкой нотой
Я словно выброшен во мрак!
Почувствовал — неладно что-то...
Все не по-моему, не так!..

Обратно грустными приходят.
Я затаился и слежу,
Как музыка мой дом возводит
В душе моей по чертежу
По старому...

Все выше,
выше

Растет он,
все полней,
полней..

— Скорее возводите крышу
С большими башнями на ней!..
Но, поздно!

Чей-то голос резко,
Почти в отчаянье, кричит:
«Пробейте окна, дайте фрескам
Взглянуть на яркие лучи!..»
Нет — поздно!

Все уже дрожало.
Колонна, продолжая взлет,

Шатаясь, все еще держала
Мой сказочно граненый свод.

Беда стрясется — придержите!
У окон, с криками — пробей! —
Метался в доме пленный житель —
Неуловимый воробей...

Метался он, кружился около,
Не выдержал — рванулся вон.
Ударился да так, что стекла
Заговорили вперезвон.

По убывающей наклонной
Летит на камни и на сталь...
И рушится моя колонна,
Хрустит и крошится хрусталь.

Перемешался крик со стоном,
Стон с криком...

Сердце — на куски..

Разрушен дом.

Скользят над домом

Пылающие языки.

4

Что будет — все могу принять,
На что-то в сердце опереться
И снова, в сотый раз понять
Свое непонятое сердце.

38

Хочу проверить, как звучат
Мои лирические строчки.
А в голове стучат, стучат
Пронзительные молоточки:
«Зачем пришел, к чему пришел?»

Я к ней вернулся, я ликую.
Вам все равно, а я нашел,
Любимую нашел.

Такую

Мне было нелегко найти.

Она вошла спокойно-строгой.
Так захотелось подойти
И недоверчиво потрогать,
Проговориться впопыхах:
«Скажи открыто, что не лгу я —
Все думают, что ты в стихах,
А я нашел тебя живую...»

Переменилось что-то в ней,
Не понимаю только — что же?
Глаза ли, ставшие темней,
Иль брови, поднятые строже.

Я вопросительно взглянул
И понял вмиг, что буду снова
У прежней робости в плену.
Но что же делать?!

39

Мне иного

Исхода нет.

Я все пограл,
Не понимая — в чем спасенье...

«Мой дорогой, но ты не брал
В расчет земные потрясения,
Ты главного не разрешил
В проекте невозможно узком:
Сопротивление души
Неубывающим нагрузкам»...

5

О юность, каждому из нас
Ты открывала мир, и каждый
Все видел только в первый раз,
Все делал только в первый раз.
Не утоляя в сердце жажды.

Любили только в первый раз —
Мы ничего не повторяли, —
Случилось — мы в тяжелый час
Друзей любимых потеряли.

Случилось так. Покинув нас,
О, юность, нам оставь ту жажду —
Смотреть на все, как в первый раз,
Все начинать, как в первый раз.
Не повторив ошибок дважды.

6

О музыка, где в каждой гамме
Напоминание о том,
Как возвести, слагая камни,
Ничем не разрушимый дом.
Такой, чтоб он, как бы в рассвете
Живыми гранями возник.
Они звучат, как бы ответить
На главное хотят они.

«Иди за нами. Ты борьбою
Не утомлен еще, иди.
Все обывшееся — за тобою.
Несбывшееся — впереди...

Иди за нами. В отдаленье
В торжественно-прекрасном дне
Есть радостное примиренье...»

Так скрипки говорили мне.

Светало, солнце ли восходило
На темноглубой экран —
Заря рассеянно цедила
Легко спадающий туман.

Такого дивного вовеки
Не видели глаза ничьи.
Спокойно разливались реки,
К разливу звонкие ручьи

Бежали по траве лугами,
Наперебой, как сорванцы,
Чтоб радостно найти губами
Золотоносные сосцы.

Деревья, точно исполины.
Вдруг увидавшие простор.
В темнозеленые долины
Сходили с белогривых гор

В народе шла Она.
Я с места

Рванулся по ее следам...
Но ту, что называл невестой,
Я больше не увидел там.

Мне скрипка шепчет: «Доведу я.
Пойдем, чего же ты притих?»
— Нет, чувствую, что не найду я
Любимую среди других!

И скрипки подтвердили хором,
Уже спокойно, не спеша:
«Ты видишь целый мир, в котором
Невидима ее душа».

И растерялся я: да где я
Найду потерю? Что скрывать —
Другой любовью не владею,
Не знаю даже, где и брать.

И вдруг увидел, как, ликуя,
Подобно всплеску чистых вод,
Любовь огромную, иную
Как знамя поднимал народ.

«Бери! Ты заслужил страдашьем.
Бери, но позабудь покой —
Построй нам города и зданья,
Достойные любви такой».

Грудь необъятное вдохнула —
Давно желанное сбылось.
В ней что-то двинулось, толкнуло
До крика —
Так и началось.

7

Мой дом поднимется красиво —
Попробуйте потом сличить
Все, что душа моя просила,
С тем, что сумела получить.

Попробуйте детально сверить.
Устрою так, чтобы всегда
В него открыты были двери
Пусть и Она войдет туда.

Но, повода не подавая
Для разговоров обо мне,
Она войдет, как рядовая,
Войдет с другими наравне.

Быть может, и вздохнет глубоко,
А если не вздохнет, так что ж!..

Передо мной лежит упрямом
Мой забракованный чертеж.

Как по заснеженной долине,
На белом ватмане, внаклон
Шумит почти забытых линий
Неутихающий циклон.

«Пора проститься мне с тобою...»
Обрывки старых чертежей
Покачивались скорлупою
Отшелушившихся идей.

В душе, еще не утомленной,
Наметив светлый перелом,
Птенец мечты, чуть оперенный
Слегка пошевелил крылом...

Новосибирск. 1945 г.

Б
382499